

ФИЛОСОФИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Доклады на заседаниях Ученого совета

Института философии РАН

В.В. Васильев

ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У СИСТЕМАТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ?

Васильев В.В. – Спасибо за приглашение, для меня большая честь выступать в этом зале. Я озаглавил свой доклад «Есть ли будущее у систематической философии?». Этот вопрос может показаться риторическим, но парадокс в том, что ответы на него – если, к примеру, провести опрос среди профессиональных философов – будут противоположными. Для одних очевидно, что подобного рода философия давно исчерпала себя. Другие, напротив, скажут, что всякая философия чуть ли не по определению должна быть систематической, так что если у философии есть будущее, то оно есть и у систематической философии.

Одним словом, здесь есть над чем поразмыслить. Но прежде чем говорить о будущем, посмотрим на настоящее. Существует ли систематическая философия в наши дни? Предваряя этот вопрос, можно спросить и более радикально: существует ли еще философия? Некоторые уверяют нас, что ее уже нет, что в мире остались лишь, так сказать, философы без портфелей, без философии. Вспоминаю, к примеру, как наш знаменитый филолог В.В.Иванов, лет пятнадцать назад в сердцах рассказывал, что недавно побывал в Германии и в каком-то баре (ну где же еще!) повстречал последнего немецкого философа.

Действительность, на мой взгляд, прямо противоположна такой картине. И я могу понять австралийского философа Д.М.Армстронга, сравнивавшего наше время с золотым веком Платона и Аристотеля. Особенно в англоязычном мире мы видим признаки невероятного расцвета и беспрецедентного интереса к философии со стороны публики. Приведу лишь один пример. В Сан-Франциско каждую неделю в эфир выходит великолепное радио-шоу *Philosophy Talk*. Его ведут два профессора Стэнфордского университета, и это очень профессиональная передача. Так вот, только в районе Сан-Франциско ее еженедельно слушают 30 тысяч человек. Несложные подсчеты показывают, что при такой пропорции в США должно быть около 3 миллионов людей, активно интересующихся философией. С таким социальным заказом очень хочется быть философом.

Итак, с философией все в порядке. Но все ли в порядке с систематической философией? Существует ли она? Это вопрос о факте, и тут возможен точный ответ. Однако любой факт существует в контексте, в том числе и историческом, и в данном случае он подсказал бы нам скорее отрицательный ответ, если бы мы решили рассуждать на эту тему из общих соображений. В самом деле, какая традиция могла бы фундировать появление новых философских систем, если говорить о западной философии? Ни немецкая герме-

невитическая традиция, ни французский постструктурализм, ни англоязычная аналитическая философия не являются, на первый взгляд, благоприятной средой для появления в недрах этих традиций систематических философов.

Причины враждебности к системам у этих традиций, конечно, разные. В герменевтической и постструктуралистской традициях – это их релятивистские установки, несовместимые с какими-либо концептуальными иерархиями. Что же касается аналитической философии, то само ее название подсказывает интерпретацию такого рода философии в качестве мозаичного предприятия или стратегии. Аналитические философы с расселовских времен ориентировались на решение частных концептуальных проблем и не особо заботились о том, чтобы объединять свои находки в некие цельные конструкции.

В общем, так и хочется прислушаться к словам Р.Рорти о том, что время большой философии закончилось. Это раньше философы решали кардинальные вопросы, создавали масштабные системы, а теперь им надо заниматься чем-то другим. Но чем? Рорти предлагал ответ: они должны быть посредниками между представителями различных научных и иных дискурсов, налаживая коммуникацию между ними. В этом случае они могут приносить хоть какую-то пользу.

Все это могло бы звучать как окончательный вердикт, если бы не одно подозрительное обстоятельство. Рорти, как мы знаем, был своего рода изгоем англо-американской аналитической философии, из которой он вышел. И этот факт говорит о том, что большинство англоязычных философов иначе смотрит на философию. Они трактуют ее в классическом ключе, который Рорти хотел сдать в архив.

Этот момент я хочу всячески подчеркнуть. Некоторые наши коллеги до сих пор находятся под обаянием идеи о «конце классической философии» и начале с середины XIX в. неклассической традиции. Думаю, это миф, созданный гегельянцами. В действительности классическая философия, ориентированная на доказательное решение кардинальных эпистемологических и иных проблем, никуда не исчезала. Наследницей классической философии в XX в. была, в частности, феноменология Э.Гуссерля. Но прежде всего ею была аналитическая философия. И в общем она играет эту важную роль и в наши дни.

Если это так, если аналитическая философия и в самом деле является продолжательницей классической философии, озабоченной в том числе и системосозиданием, то мы уже не удивимся, если встретим среди современных аналитических философов авторов систем. Чуть раньше я, правда, говорил, что ранняя аналитическая философия была скорее мозаичной, чем систематичной. Но это вполне могло быть привходящим явлением, а не ее сущностной характеристикой. В конце концов, ранняя аналитическая философия была сконцентрирована и на проблемах языка, но из этого не следует, что аналитические подходы не применимы к чему-то другому, скажем, к рассмотрению проблемы сознания. И в самом деле, за последние десятилетия аналитическая философия сознания существенно потеснила философию языка. Акцент на языке оказался чем-то необязательным. Так же может или могло бы обстоять дело и с несистематичностью.

В общем мы вполне могли бы встретить системосозидателей среди аналитических философов. Но есть ли они? На этот вопрос можно дать однозначный положительный ответ. Аналитическая философия и в самом деле вступила в систематический период. Два главных систематика, работающих в данной традиции – это Д.Деннет и Дж.Сёрл.

Я не буду подробно говорить об этих, достаточно хорошо известных у нас авторах. Хочу лишь привести решающие, на мой взгляд, подтверждения систематического характера их построений. Возьмем Деннета. Его главная работа «Объясненное сознание» появилась еще в 1991 г. И может показаться, что она посвящена частному вопросу.

Но чтобы объяснить сознание, Деннет (1) разрабатывает лингвистическую теорию приписывания контента, (2) перебрасывает от нее мост к теории интенциональности, (3) опираясь на неodarвинизм, обозначает этапы эволюции интенциональных систем, на последнем из которых возникает человек, встроенный в культуру, (4) распространяет эволюционный подход на культуру, трактуя ее в качестве совокупности мемов, культурных аналогов генов, и лишь затем (5) объявляет сознание комплексом мемо-эффектов в мозге. Позже Деннет обратился к анализу связанных с этой темой вопросов, обсуждая сущность человеческой свободы и культурную базу религии.

Это самая настоящая система. Нечто подобное мы обнаруживаем и в работах Сёрла. Здесь мы видим попытку построения масштабной онтологии. Вершину иерархии сущего, по Сёрлу, занимают социальные факты, базирующиеся на так называемой коллективной интенциональности и специфических речевых актах. Сами речевые акты предполагают существование определенных интенциональных состояний. Последние невозможны без существования сознания, которое, в свою очередь, зависит от биохимических свойств мозга. Этот теоретический скелет обрастает множеством ответвлений, позволяющих Сёрлу создать впечатляющую философскую систему. Главный систематический труд Сёрла – «Сознание, язык и общество: философия в реальном мире» (1998), кстати, почему-то до сих пор не переведен на русский язык, хотя это просто блестящий текст.

Итак, ответ на вопрос о том, есть ли настоящее у систематической философии, вроде бы получен. Но не все так прозрачно. Очевидно, что и Сёрл, и Деннет – систематические авторы. Но насколько их системы являются философскими системами? Казалось бы, философскими их можно назвать уже потому, что они обсуждают традиционные философские темы – проблему сознания, свободу воли и т. д. С другой стороны, ясно, что некоторые темы, которые когда-то рассматривались в качестве философских, перешли в ряд научных – к примеру, вопросы о структуре материи, пространства и т. п.

Присмотревшись к высказываниям Деннета и Сёрла, мы увидим, что они – особенно Деннет – действительно очень сциентичны. Иными словами, они считают, что вопросы о природе сознания, человеческой свободе и т. п. могут быть в принципе решены эмпирическими методами. Почему же тогда они называют себя философами? Потому, что, хотя эти вопросы могут быть решены наукой, она еще не вполне готова к этому, и ей надо прокладывать путь, очерчивая принципиальные схемы возможных решений. Этим и занимается философия. Она словно бы подталкивает науку своими вопросами.

При таком понимании оказывается, что философия интегрирована в экспериментальную науку, отрабатывая функции скаута, но между ними нет принципиальных различий. И неслучайно, что, к примеру, тот же Деннет считает свое учение о сознании верифицируемой и фальсифицируемой в опыте теоретической конструкции.

Такое понимание сущности и роли философии, на мой взгляд, является неправомерным отклонением от образцов ранней аналитической философии, резко противопоставлявшей философский априорный концептуальный анализ и эмпирические исследования. Первым смельчаком, бросившим вызов этим образцам, был, конечно, У.Куайн.

Деннет и Сёрл являются в этом плане последователями Куайна. И это значит, что, хотя систематическая философия существует и, конечно, будет существовать, вопрос о перспективах концептуальной, а не квазинаучной систематической философии остается открытым.

Я, однако, очень надеюсь, что концептуальный анализ, т. е. априорное прояснение наших базовых понятий о мире и сознании, еще будет востребован аналитическими философами. Только не надо пытаться возродить его в старом виде – вариации на эту тему, которые мы находим, к примеру, у Ф.Джэксона, обречены на непонимание.

Традиционный концептуальный анализ был связан с разбором словоупотребления. Но слова – это поверхностный уровень наших концептуальных схем. На более глубоком уровне сущностных характеристик наших интенциональных состояний эти схемы рассматривали феноменологи. Но делали они это исключительно дескриптивно. Однако дескрипции не позволяют ничего прояснить. Если что-то мыслится неясно, то дескрипция лишь фиксирует эту неясность. Аналитические философы, напротив, всегда были нацелены на аргументацию, которая позволяет что-то прояснить – но их прояснения, повторю, ограничивались поверхностным уровнем концептов.

Чтобы двинуть дело вперед, надо более решительно, чем это было до сих пор, скрещивать аналитическую философию с феноменологией, создавая нечто вроде аналитической феноменологии. Тогда мы сможем действительно прояснить концептуальные схемы и, в частности, устанавливать место той или иной схемы в ряду других схем и, стало быть, обнаруживать связи между ними – а это уже шаг к системе.

Все это может звучать абстрактно. Но речь идет о вполне конкретных вещах. Никто не будет спорить, к примеру, что мы концептуализируем мир через понятия причинности и объективности. Уже на уровне здравого смысла все мы считаем, что чувственный мир существует независимо от нас и что события в нем небеспричинны. Но вот вопрос, на который можно ответить только с помощью концептуального анализа: связаны ли эти убеждения, связана ли между собой экзистенциальная и каузальная вера? Ответ не очевиден, но его можно получить – но только не путем дескрипций и не путем анализа словоупотребления. Как получить? Задумаемся, к примеру, почему мы считаем, что какие-то конкретные окружающие нас вещи не исчезают после прекращения их восприятия. Ведь некоторые могут исчезать. Ответ таков: мы считаем, что вещь сохраняется в данный момент, когда мы не воспринимаем ее, если, как мы уверены, в ее окружении нет причин, которые могли бы ее разрушить. А как же быть с возможностью беспричинного уничтожения? Ясно, что мы просто исключаем ее. Вот она, связь между верой в причинность и верой в независимое существование. Я могу верить в то, что предмет, который я вижу, сохранится после прекращения его восприятия, лишь если я считаю, что этот предмет подчиняется закону причинности (это необходимое, хотя, разумеется, еще не достаточное условие). Это лишь один из примеров концептуального анализа в том понимании, о котором я сказал. Тут не чистая дескрипция. Дескрипции статичны, а здесь есть движение мысли, аргументация, позволяющая в итоге прояснить то, что вначале могло быть неясным. И можно было бы привести немало примеров подобных анализов.

Впрочем, это по-прежнему кажется чем-то схоластическим. Однако задумаемся: что если прояснение наших концептуальных схем позволит, к примеру, уточнить детали соотношения ментального и физического, решить так

называемую «трудную проблему сознания» (термин Д.Чалмерса): почему функционирование мозга вообще сопровождается субъективным опытом, тем, что называют квалиа?

В самом деле, очевидно, что мы приписываем ментальные состояния людям и другим существам. И если мы поймем, при каких условиях происходит подобное приписывание, то сможем уточнить статус этих приписываемых состояний и их отношение к тем физическим системам, которые мы концептуализируем в качестве сознательных.

Вопрос о природе сознания – уже далеко не схоластичная тема, и не будем забывать, что философия началась с этого вопроса. Я и в самом деле считаю, что его можно решить с помощью той разновидности концептуального анализа, о которой я только что говорил.

Однако не исключено, что подобный анализ имеет и более широкие, практические последствия. Не исключено, что он – в его систематическом развертывании – позволяет показывать состоятельность наших «естественных установок», как сказал бы Гуссерль, наших убеждений здравого смысла. Ведь многие философы считали и до сих пор считают, что они некогерентны. Дело в том, что давно уже было замечено, что, пока мы не философствуем, а просто живем, доверяя установкам здравого смысла, все кажется простым и понятным. Но стоит нам начать вдумываться в эти установки, как они оказываются чем-то загадочным, а иногда и противоречивым. Философия словно бы призывает нас порвать со здравым смыслом. Но, может быть, к этому призывает лишь поверхностная философия, философия, недостаточно аналитичная и систематичная для того, чтобы увидеть, что принципы здравого смысла допускают такое прояснение, которое не влечет революционного отказа от них? Если так (а есть основания считать, что это так), то систематическую философию можно будет рассматривать как защитницу здравого смысла, как средство устранения фантастической метафизики (заполняющей головы т.н. «обычных людей», не интересующихся философией: на философских факультетах мало метафизиков), и как интеллектуальную технологию, помогающую людям жить в реальном, а не в выдуманном ими мире. И тогда у нее, конечно, большое будущее. Спасибо за внимание.

Гусейнов А.А. – Спасибо. Пожалуйста, какие вопросы?

Руткевич А.М. – Первый вопрос: существовала ли вообще несистематичная философия? В широком смысле любая философия представляет собой систему. Даже самые ожесточенные критики системостроительства, будь то эмпирики, вроде Юма, либо экзистенциальные мыслители (Кьеркегор, Шестов и им подобные), мыслили систематично, выводили следствия из принятых ими посылок.

Второй вопрос, связанный с этим. Вы говорили об антисистематичности аналитической философии. Однако мы можем сказать, что в рамках аналитической философии существовали доктрины, которые были систематичными в более узком и сильном смысле слова. Такова любая сциентистская доктрина, а в рамках аналитической философии их хватало – вспомним Рассела, Карнапа, американский натурализм и так называемый «научный материализм»...

Васильев В.В. – Я согласен во многом с тем, что вы сказали. Отчасти это спор о словах. Но все-таки есть некие существенные различия. Во-первых, я говорил о современной философии. И говорил, что, чтобы понять какой-то философский тезис, на мой взгляд лучше всего отталкиваться от аргумента в его пользу. В данном случае я применил простой аргумент. Традиции, которые сейчас доминируют в мире, не повторяют системности. И герменевтика с ее историческим релятивизмом, и постструктурализм, который просто выступил против всякой систематичности (думаю, вы не будете это отрицать), – они против системности. Конечно, если мы возьмем тради-

цию, то увидим, что хотя, по-видимому, определенная систематичность, в самом деле, заложена в умах крупнейших философов, все же тут есть очень большие различия. Возьмем Юма. Довольно трудно в действительности говорить о том, что это систематическая философия. Это, скорее, набор неких эссе. Также и у Локка, и вообще в британской традиции. Хотя Юм стремился к системе (он говорит об этом сам), но у него не получилось. Одним словом, есть систематичность и систематичность. Одна систематичность у Юма и у Локка, другая систематичность – у Декарта и Канта. О Гегеле я не говорю, потому что у него, скорее, симуляция системы, чем реальная систематичность. Что касается аналитической философии, опять же, трудно спорить относительно того, что вы сказали про Карнапа, но это была спорная идеология, идеология, придуманная Расселом, установка на мозаичность исследования, на то, что надо решать частные проблемы. Можно потом из них составлять каким-то индуктивным путем целое, но главное – сосредоточиться на деталях. Вспомним хотя бы, как он говорит об этом в главе, посвященной логическому анализу в его истории западной философии. Он это выводит там на первый план. Или возьмем Мура, его книгу о проблемах философии, не переведенную на русский язык. Там вроде бы должно быть что-то систематическое, но в действительности это тоже набор эссе. Все это так. Вместе с тем по сути противоречия между аналитической программой и систематичностью, конечно, нет. А система имеет место тогда, когда есть некоторого рода необходимые переходы между концептуальными блоками. Ну и, конечно же, полнота.

Подорога В.А. – Меня не совсем убеждает эта концепция систематичности, потому что любая мысль – если вообще кто-то мыслит – систематична. Иначе такой мыслящий просто выглядит смешным. Однако возникает путаница с формами, которые создает для себя мысль. Ведь мысль всегда исторична: есть гегелевская форма, есть попперовская форма, мозаика системы Гегеля... И это просто потребность исторического формообразования мысли, которая каким-то образом встраивает себя в коммуникативную сферу, чтобы быть транслированной современникам в наиболее подходящей форме. Поэтому странно придавать систематичности столь смешанное ускользающее значение, когда она обозначает и это, и то... В общем-то, любая мысль там, где она пытается себя изложить, всегда выгладит и будет систематичной; внутренняя логичность – это структура самого мышления. Иначе как мы бы могли мыслить, находясь в такой зависимости от каких-то внешних форм, которые нам навязываются в качестве некоторой системы. Что такое кантовская система, что такое декартовская система – это в каждом случае нужно разбирать. В каждом случае. И системы не были достигнуты ни Кантом, ни Гегелем, это были самые настоящие катастрофы и распады системы, хотя желание было, воля к системе была.

Васильев В.В. – Всякая мысль систематична в зародыше, но это не значит, что из этого зародыша получится что-то действительно жизненное. И, разумеется, можно говорить, что попытки Декарта и Канта оказались unsuccessful, неудачными, но в их построениях есть нечто, характерное, необходимое для систематичности. Я еще раз подчеркиваю: я понимаю систематичность как такое свойство философских систем, в которых обнаруживаются необходимые переходы между разными блоками. Скажем, мы рассматриваем проблему свободы и рассматриваем проблему сознания. Эти проблемы можно рассматривать по отдельности. А можно показать, что они связаны неразрывно. Вот это будет систематичность. Если вы распространите эти нити на все традиционные философские вопросы, тогда вы построите философские системы.

Гайденко П.П. – Вадим Валерьевич, а феноменологию Гуссерля вы считаете систематической философией или нет? И еще вопрос по тексту вашего доклада. Вы высказали такую мысль, что следовало бы скрестить аналитическую философию с феноменологией Гуссерля и, как я поняла вас, это дало бы некоторое движение, усилило бы систематическую философию.

Васильев В.В. – Пиам Павловна, спасибо большое за вопрос, я согласен, что Гуссерль был систематическим философом. Но все дело в том, что его проект провалился, потому что у него была установка на недопущение аргументации, доказательств в прояснении наших интенциональных структур. В этом плане он близок с позитивистами был, между прочим. Он чисто дескриптивный автор. Вот эта беспер-

спективность. Поэтому его проект развалился, сейчас, правда, можно говорить о его возрождении, но бессмысленно возрождать его на старом материале. Надо вдохнуть в него какие-то аналитические силы. И это можно сделать, на мой взгляд, тем способом, о котором я сказал.

Юлина Н.С. – Мое первое замечание касается термина «систематичность». Этот термин чаще всего используется историками философии для классифицирующих целей, но он мало что дает. К тому, что вы имеете в виду, говоря о систематичности, как мне кажется, лучше подходит дисциплинарный термин – «метафизика». Вы верно подметили, что современная аналитическая философия резко повернулась к проблеме сознания, а данная проблема онтологическая, следовательно, она входит в «ядро» метафизики. Естественно, что решение этой проблемы детерминирует цепочку большинства других проблем философии, а отсюда и тенденция к систематичности. И второе замечание. Вы считаете, что аналитическая философия, скажем, в лице Д.Деннета и Дж.Сёрла, становится сциентистской и редукционистской. У меня сложилось впечатление, что в последние годы смысл терминов «сциентизм» и «редукционизм» существенно изменился. В свете нового отношения, которое сложилось между философско-концептуальными и научными (нейробиологическими и квантовыми) подходами к сознанию, Деннета и Сёрла скорее следует отнести к критикам сциентизма и редукционизма. Об этом свидетельствует, например, их резкое неприятие физикализма Р.Пенроуза. Об этом я пишу в своей книге «Натурализм в философии: о книге Дэниела Деннета “Свобода эволюционирует”», которую я вам сегодня подарила.

Васильев В.В. – Нина Степановна, что касается слова «метафизика». Мне не кажется, что в данном случае это было бы удачным терминологическим решением, хотя, конечно, я должен буду обдумать ваши слова. Спасибо, я, действительно, с удовольствием прочитаю книгу, давно ее жду. Я считаю, однако, что, в особенности, Деннет – это, конечно же, антиметафизический автор. Он пытается играть в одну игру с экспериментальной наукой. Он хочет быть скаутом, разведчиком этой науки. Философия, не раз повторял он, в частности, когда мы в апреле беседовали с ним в чудесном ресторанчике в американском Кембридже, – ставит вопросы, а решает их наука. Так же как разведчик ходит, производит рекогносцировку, а потом идет армия и бьет по тем местам, которые он выявил. Философия интегрирована, по Деннету, в экспериментальную науку, и мне кажется, что он тем самым отбрасывает идеалы концептуального анализа, и совершенно напрасно. Эти идеалы, которые восходят к Канту, кстати говоря, и к Юму во многом, предполагают жесткую дихотомию, резкую границу между эмпирическим и концептуальным. Поэтому к Деннету слово «метафизика» не очень применимо, а вот когда мы говорим о концептуальном анализе, то можно использовать это слово, но только, так сказать, его надо употреблять в страсоновском смысле, пронизанном кантовским критическим духом, а не в привычном классическом смысле, – кстати, такая «докритическая» метафизика опять входит в моду.

Лысенко В.Г. – Мой вопрос касается здравого смысла, который Вы как-то противопоставляете систематичности. Но ведь здравый смысл – это категория, которая создается в каждую эпоху философской системой, то есть философская система, которая оперирует здравым смыслом, сама создает его образ. Так что каким-то объективным критерием он вряд ли может послужить.

Васильев В.В. – Могу сказать, что в целом я разделяю понимание здравого смысла, которое было выработано в школе здравого смысла в Шотландии XVIII в. То есть я разделяю то, что говорили Рид, Битти и Стюарт о здравом смысле. Здравый смысл – это не совокупность расхожих представлений, а это костяк нашего естественного мировоззрения, всеобщие когнитивные, прежде всего, принципы, которые задают рамки того, как мы концептуализируем мир. Вот что такое здравый смысл. И в этом плане установки здравого смысла совпадают с теми самыми естественными установками, о которых говорил Гуссерль, всеобщими интенциональными структурами. И именно эти установки надо прояснять и защищать их от нападков на них, показывая, что внутри этих установок нет противоречий, что они когерентны.